

Одним из назначений воеводского двора в городах России XVII в. было действие его как резиденции местного администратора и провинциальной городской усадьбы. При характеристике такого двора в северорусском городе внимание было уделено составу имевшихся в нем слуг¹. Он заслуживает быть рассмотренным более пристально в конкретно-исторической плоскости.

Сделать это позволяют расходные книги старост черносозных миров: всеуездных Устюга за 1666, 1667, 1668 гг., Сольвычегодска за 1653/54, 1674/75 гг., Тотьмы 1675/76 г., 1691/92 г., а также целовальников денежного сбора разных волостей Сольвычегодского у. (1673/74, 1674/75 гг.), Устюжского у. (1665/66, 1667/68 гг.)². Имеющиеся в распоряжении книги по Сольвычегодску и Устюгу за последовательные годы (уездного старосты и волостных целовальников) обеспечивают преемственность сведений. В то же время ведение расходных книг в разных административно-территориальных мирах отражало их соподчиненность. Наряду с расходными книгами черносозных миров использованы также книги вотчинных старост Спасо-Прилуцкого монастыря за 1686/87, 1687/88 и 1689/90 гг.³ Информация расходных книг не исчерпывается основным их содержанием, о чем уже приходилось писать⁴. Она может быть наращена посредством обнаружения ненамеренно введенных данных, как бы сопутствующих основным. Использование сведений источников, прямо не отвечающих целям их создателей, известно в историографии. Расширение источникового поля за счет «неприспособленных», по выражению Л.П. Репиной, документов, успешно применено американскими историками Б. Ханавалт и Д. Беннет. Не только домохозяйство, структура и состав семьи, но и эмоционально окрашенные отношения между родственниками, свойственниками, а также друзьями, межличностные контакты женщин на различных этапах жизненного цикла были охарактеризованы по протоколам манориальных и церковных судов, различных криминальных разбирательств. Обращение к массовым источникам, содержащим разнообразные жизненные ситуации, обеспечило исследовательское проникновение в историю повседневности и частной жизни женщин в ее сопоставлении с публичной сферой⁵.

Из расходных книг черносозных и монастырских старост и целовальников предстает вереница воевод, правивших в 1650-1690 гг. в северорусских городах Устюге, Сольвычегодске, Тотьме, Вологде. Мирские должностные лица приходили по установившемуся обычаю к воеводам в праздники Рождества, Пасхи, Петра и Павла, Успения и /или/ Введения, в дни тезоименитств членов царской семьи, а также при вступлении воевод в должность («на приезд»), отъезде с нее и во многих других случаях с подношениями, называемыми «почестью». Именно записи о них, а в разных общинах выработались свои правила ведения расходных книг, позволяют воссоздать ближайшее окружение воевод – его семью и слуг. Эта микросреда воспроизводится, словно мозаика, по отдельным фактическим зернам каждой из расходных книг мирских должностных лиц и в сопоставлении их между собой.

Воеводским слугам как соучастникам кормления своего господина уделил внимание Г.П. Енин. Он характеризует тему кормления воевод в России XVII в. через призму их содержания уездным населением. Само кормление автор рассматривает «как единый феодальный способ содержания органов государственного, церковного и вотчинного управления и суда», действующий на протяжении многих веков с конца XII по XVIII, а сосредоточивается на воеводском кормлении XVII в. Такой доминирующий в работе постулат обусловил позицию автора, который соглашается с ликвидацией наместничьего управления в середине XVI в., но доказывает сохранение практики кормления со всеми ее пороками при воеводах. «Конкретной причиной ликвидации института наместников и волостелей, – пишет Г.П. Енин, – явилось их политическое значение в период становления самодержавия в России. Ивана Грозного не устраивало положение получавшей наместничества и волостелинства княжеско-боярской аристократии в качестве „совладельцев“ царя». Автор полагает, что Грозный «не мог мириться с таким положением, поэтому можно сказать, что удаление наместничьей структуры управления с исторической арены было вызвано политической необходимостью». И далее он продолжает: «К вопросу об „отмене кормления“ как способа содержания служилых людей на административной службе ликвидация института наместничества не имела отношения»⁶. В данной статье неуместно углубляться в разбор точки зрения П.Г. Енина на сущность местного управления в XVI-XVIII вв. и сопутствующие ему проявления, каким было кормление, неизменное, по его убеждению, на столь длительном хронологическом отрезке.

Г. Котошихин, написавший свое сочинение в 1666-1667 гг., т.е. почти современно составлению рассматриваемых расходных книг мирских властей, говорил о «житии» представителей правящей элиты. Он называл число их дворовых людей, достигавшее порой нескольких сотен. «Да бояре ж и думные, и ближние люди в домех своих держат людей, мужского полу и женского, человек по 100 и по 200, и по 300, и по 500, и по 1000». Количество дворни зависело, естественно, от состоятельности и места феодала на служебной лестнице: «сколько кому мочно, смотря по своей чести и животам». Сведения Г. Котошихина пригодны для предпринятой темы потому, что: «...таким же обычаем и иных чинов люди в домех своих людей держат, кому сколько прокормити мочно»⁷. Воеводы северных городов были стольниками – в Сольвычегодске, Устюге, Вологде непременно, а в Тотьме меньшего ранга. Управители этих городов имели соответственные их статусу вотчины и поместья, держали подобающую дворню. Воеводы приезжали, как правило, семьями с женами-«боярынями», которые, сразу подчеркну, привозили своих служанок – «боярских боярынь», с детьми, племянниками.

У правившего в Устюге с ноября 1665 по ноябрь 1667 г. воеводы князя Гаврилы Матвеевича Мышецкого уездный староста, волостные целовальники в сопровождении других должностных лиц, подносявшие ему «почесть», встречались с управлявшим слугами дворецким Михаилом Акинфиевым. Подчиненные ему люди были разного ранга. Во-первых, «верховые», а, во-вторых, те, которым старосты давали деньги «на весь двор» (далее называю: дворовые – Е.Ш.). Число тех и других не всегда определимо, так как книги чаще называют их суммарно. Наряду с «верховыми» людьми упоминаются «верховые жильцы», «жилцы...вверху», «жилцы». При подношении воеводе 31 августа к Семенову дню «человеку ево Михайлу Никифорову дано» было 5 алт.⁸, и показательно выделение этого слуги по имени. Целовальник Шемогодской вол. Андрей Трофимов Пелевин в 1666 г. записал, что к празднику Рождества воеводским «людем на весь двор на 15 человек дал 15 алтын, жилцом трем человеком гривна»⁹. Исчерпывались ли этим числом люди Г.М. Мышецкого, – сказать трудно.

В начале декабря 1667 г. его сменил Я.А. Змеев, правивший в Устюге по 1668/69 г. Его дворня предстает из расходных книг всеземского мирского денежного сборщика 1667/68 г. и целовальника Шемогодской вол. за тот же год. В ее состав входили «дворецкий верховой» («верховой дворник»), ключник, «верховые жилцы /люди/», причем, среди них двое «малых робят» и «верховой жилец старик», люди «на дворе». Свою почесть получали к праздникам: Рождества – дворецкий Никита Лаврентьев и верховые люди, Петра и Павла ключник Наум и дворовые люди, ко дню тезоименитства царя Алексея Михайловича – они же и верховые люди¹⁰.

Среди воеводских людей, скорее из категории дворовых, а не верховых, были мастеровые. Трудно сказать, были ли они специалистами-ремесленниками. Во всяком случае, у проводившего благоустройство своего двора и большие ремонтные работы Я.А. Змеева в мае-июне 1667 г. «воеводский человек» Михаил Андреев с помощником в горнице «пол новой намостил тесом в брусье в закрой и скоблили», за что получили 24 алт. 2 ден., один М. Андреев «в конюшне стойла намостил» (1 алт. 2 ден.), чинил «рундук у лисницы да скамью перед воротами да окошко в чулане делал» (3 алт. 2 ден.), также двери на «огородец да заплот перебирал» (1 алт. 4 ден.). В июне же «воеводские люди Михайло Андреев с товарищем в бане полук вново передельвали да в комнатных сенях двери новые делали, рундук починивали». И чрезвычайно интересная деталь в продолжении этой записи: «Да крестьянин (здесь и далее курсив мой. – Е.Ш.) ево (т.е. воеводы) Акинфей Месило делал лисницу свертную да в погребу лед одалбливал. Плачено им за работу» 12 алт. Другой «воеводский человек Никифор Аверкиев делал две доски сыры сушить» (1 алт. 4 ден.)¹¹, из чего следует, что ему знакомо столярное дело.

Ясно, что М. Андреев не только мог плотничать, но был умелым плотником, хорошо знавшим свое ремесло. Он выполнял профессионально разные работы, настилал полы, проделал окно, вероятнее всего, волоковое, ведь оно в чулане, делал двери, чинил лари и т.д. Причем, настилка полов в конюшне и в доме требовала разной квалификации. В горнице М. Андреев стелил тесовыми брусьями, причем с выемками по кромкам для плотного их соединения (в закрой). Некий Михайло Саница несколько ранее «в передней горнице пол новой намостил

тесовой в закрой и скоблил в три бруса да поставец переделывал», за все он получил 1 руб. 5алт.12 Судя по идентичности проделываемой в обоих случаях работы, надо думать, что ее выполнял один и тот же человек – Михаил Андреев, названный еще и по прозвищу Сеница. Представляется, что для этого утверждения есть основание. Умелым был и другой мастер А. Месило, который сделал необходимую внутри дома лестницу «свертную», то-есть свернутую в объеме, возможно, узкую круто поднимающуюся вверх или подобную винтовой. Выше было обращено внимание на указание социальной принадлежности Акинфия Месило, кстати, также названного по прозвищу, к воеводским крестьянам. Это отчетливое свидетельство того, что среди людей воеводы, которых он вез с собой на место службы, находились, во-первых, мастера с навыками профессиональных ремесленников (плотники, столяры как у Я.А. Змеева), во-вторых, отдельные крестьяне, вероятно, из ремесленничавших бобылей.

У воеводы Сольвычегодска 1653 г. Петра Никитича Веснина среди имевшихся «людей» выделен повар Федос, указан и дворник. Люди «на весь двор» получали почать в том размере, в каком один из сыновей воеводы. П.Н. Веснин «поехал от Соли к Москве» 3 мая 1653 г., а уже 5 мая приплыл новый воевода Василий Иванович Колычев со своими «людьми»13. Другой представитель рода Колычевых Матвей Павлович правил в том же Сольвычегодске, спустя 20 лет. Судя по расходной книге целовальников Окологородной вол. 1673/74 г., он имел слуг – ключника, повара, конюха, «верховых дворян» и «верховых робят» и распорядившегося ими дворецкого, а среди дворовых людей выделены «малые робята»14. Следующим воеводой стал Яков Петрович Булычев, управлявший Сольвычегодском в 1674/75 г. Земский староста называет его слуг: дворецкого, ключника, повара, конюха, людей дворовых и «верховых». Показательно, что целовальники Ильинского прихода Вилегодской вол. в своих расходных книгах обозначали «верховых» слуг как «верховые дворяне», «верховые дворовые»15. Уместно добавить, что земский староста Сольвычегодска 1674/75 г. Федор Воронкин в своей расходной книге поименно называет двух дворецких воеводы Я.П. Булычова: Ивана Васильева и Афанасия16.

Воеводой в Тотьме 1675/76 г. был князь Семен Петрович Вяземский. Дом его наполнен слугами и среди них – «жильцы», два повара, два конюха (один из них поименован – Родион), дворовые люди. Мирской староста специально отметил приезд «с Москвы воеводцкого человека Ивана Микифорова», которому было дано 6 ден17. У воеводы Тотьмы 1691 г. стольника Василий Ивановича Кошелева по свидетельству «издержечной» книги всеуездного старосты Андрея Выдрина двор состоял из «людей» и среди них не обошлось без «жильцов»18. В 1692 г. воеводой уже был стольник Федор Иванович Бакин, среди его слуг – «жилцы», «татарченок». Двое же из слуг указаны поименно. Один – Андрей Яковлев, как выясняется из записей книги, обозначен «воеводцкий» человек, и он получил одноразово от мирских властей значимую почать: ему «на кафтан дано 6 алтын 4 деньги». Другой слуга, неоднократно в книге упоминаемый по имени, «Селиверст» лишь к концу года в записи от 26 августа назван «держалником». Мирской староста одаривал его достаточно высоким платежом, таким, какой вручался сыновьям или дочерям воеводы19. Оба слуги, по всей вероятности, весьма приближены к персоне воеводы.

Воеводой Вологды в 1686-1687 гг. был стольник из рода Змеевых Андрей Борисович. Одаривая его, вотчинные старосты Спасо-Прилуцкого монастыря Кондратий Григорьев и Кондратий Софонов оделяли и его слуг. Среди них на первом месте находятся дворецкий, конюший, «клюшник», затем «жилцы» и «люди»20. Круг дворни воеводы Якова Ивановича Дивова, который весной 1688 г. сменил А.Б. Змеева, включал, как и у предшественника, дворецкого, конюшего. В составе его слуг также встречаем «держальника», который был лично поименован Андрей Гневашев. Ему староста на Пасху поднес почести, столько же, сколько вкупе дворецкому с конюшим. Не были обойдены и «люди», получившие «во весь двор» (2 алт.). На праздник Петра и Павла держальник был одарен, но в меньшем, чем в предыдущие праздники, размере – 2 алт., но опять в таком же, как дворецкий и конюший вместе. Жильцам дано к этому празднику 10 ден.21 Мирская расходная книга 1691/92 г. Спасо-Прилуцкого монастыря свидетельствует, что именно к празднику Рождества 25 декабря 1691 г. «рознес монастырской крестьянин Кондратей Софонов стольнику и воеводе Алексею Семеновичу Чаплину». К.Софонов, напомним, был вотчинным старостой в 1687/88 г. Оставшись в мирском «активе», он, спустя 4 года, одаривал как самого воеводу, так и его слуг. Праздничные деньги были вручены «дворецкому и людям», «жильцом». В марте 1692 г.

в связи с подачей справки о возможных разбойниках, тятях и лихих людях, были сделаны значительные дары воеводе, но уже Петру Григорьевичу Львову, и также подношения его «держалником» (30 алт. 2 ден.), «на весь двор людем» (8 алт. 2 ден.), «жилцам» (2 алт.). В мае на праздник Пасхи подарки были розданы, как всегда, воеводе, его детям и слугам: «держалником шесть алтын четыре деньги, людем на весь двор тож, жилцу гривна, племяннику Алексею Высоцкому шесть алтын четыре деньги». Те же слуги – держальник, люди, жильцы, включая в этот ряд и племянника (они перечислены в том же порядке, как и в записи о почести к Пасхе) упомянуты в день Петра и Павла²².

Столь подробно приведенный материал, происходящий, как было сказано, из черносошных и монастырской общин, представляет разные группы слуг на воеводских дворах. Одну из них составляют жившие непосредственно в доме при покоях самого воеводы и его жены и оказывавшие им личные услуги, которые в XVIII-XIX вв. выполняли камердинеры, горничные, казачки и т.п. В другую – входят специалисты, ответственные за запасы и имущество, питание и стол, конюшню и ее принадлежности; еще одна – представлена дворовыми людьми, делавшими всякие необходимые в хозяйстве работы.

Над всеми группами возвышаются управители. Они в книгах зафиксированы в разных вариантах: дворецкий, дворецкий верховой, верховой дворник. В ведомстве дворецкого сосредоточивались руководство хозяйством и слугами. Однако, в приведенных терминах улавливается разница и они заслуживают быть рассмотренными более пристально. Функциональный смысл слова «дворецкий» вполне прозрачен, а обозначения «дворецкий верховой» и «верховой дворник» нуждаются в пояснении. Обратимся к расходной книге устюжского мира 1666/67 г. Среди записей о размере почести есть такие, в которых объединены, как бы под одной скобкой, дворецкий и люди, получавшие ее «на весь двор». В марте 1667 г. мирские люди «хлеба ели» у воеводы Г.М. Мышецкого в связи с именинами царевны Евдокии Алексеевны и на следующий день, как это было принято, отдаривали воеводу и его слуг. Людям воеводы «дворецкому и на весь двор» была поднесена гривна. Также «дворецкому ево Михайлу Акинфиеву и людем ево на весь двор дано десять алтын» к празднику Пасхи. Этому фрагменту предшествует запись о праздничном натуральном подношении мясом, маслом, яйцами, сыром самому воеводе Г.М. Мышецкому. Фиксация количества каждого поднесенного воеводе продукта, его цены и имени продавца вводится оборотом «ему ж несено». За последней записью («ему ж несено мяса говяжья задняя полстяга весом семь пуд с четвертью, куплено у Ивана Евдокимова Ссякина, плачено по семи алтын по четыре деньги за пуд, итого рубль дватцать два алтына четыре деньги») и следует рассматриваемый текст о денежном вознаграждении дворецкому²³. Притяжательное местоимение «его» в словосочетании «дворецкому ево» означает принадлежность воеводе, а в обороте «людем ево» наряду с той же принадлежностью воеводе может прочитываться и подчиненность их дворецкому. Подобная же фигура встречается и в расходной книге мирских властей вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря 1692 г. Рождественскую почесть «стольнику и воеводе» А.С. Чаплину сопровождало вручение ее «двум племянником ево» (6 алт. 4 ден.), а также «дворецкому и людем ево» (5 алт.). Тот факт, что мирские люди в своих записях соединяли вручение совместной «почести» дворецкому и дворовым людям, показывали ее общую сумму, свидетельствует, во-первых, о подчинении дворецкому именно людей дворовых и, во вторых, о распределении дворецким полученной почести по своему усмотрению между людьми. С учетом сказанного становится понятным отдельное упоминание «верхового дворецкого», второго управителя слугами, который ведал «верховых людей».

Специально следует остановиться на упомянутых уже держальниках. Этот термин, употребленный в текстах расходных книг: тотемской 1691/92 г., вологодских 1688/89, 1691/92 гг., вызывает особый интерес и обозначает носителя действия по глаголу держати. В нем слиты подвластность воеводе и обладание в свою очередь некоторой властью, сопряженной с несением определенных обязанностей. Важно понять, каким же было конкретное наполнение данного термина в рассматриваемых реалиях. Между держальником и воеводой явно и несомненно существовала прямая связь. Причем она более тесная, чем та, которая выражена в понятии «воеводский человек». Такой «человек» Михайло Никифоров встречен у устюжского воеводы Г.М. Мышецкого (1665 г.), Иван Микифоров – у тотемского воеводы С.П. Вяземского (1675 г.), Андрей Яковлев у тотемского же – Ф.И. Бакина (1692 г.). Держальники:

тотемский Сильвестр (1692 г.), вологодский Андрей Гневашев (1699/89 г.) и вологодский же непоименованный (1692 г.), также как и выделявшиеся своим положением люди, были приближены к воеводе. Однако, степень приближения этих слуг к нему все-таки разная. Служившие воеводе люди всех рангов, связаны с ним зависимо-обязательственными отношениями, и, как было показано, выполняют определенные работы и несут службы. Держальники, что хорошо видно на примере Сильвестра, пользовались особенным доверием воеводы.

Положение как держальника, так и дворецкого среди воеводских слуг было, как будто, схожим. И тот, и другой находились на самой верхней служебной ступени. Обратимся к свидетельствам о размере почести, подносимой мирскими людьми слугам разного ранга. Они помогут глубже проникнуть в иерархию слуг и понять, пожалуй, соотносились ли и как, эти две должности. Величина всех почестей, как воеводе, так и его слугам, прежде всего, зависела от значимости праздника или важности мирского дела. Замечу, что для воевод они состояли из натуральных – мясных, рыбных и других продуктов, готовых хлебов, а также денег. Слуги же одаривались деньгами. К четырем наиболее значимым праздникам, именинам царя и близких членов его семьи, при решении дел, затрагивающих интересы всех мирских людей, естественно, подношения были наибольшими. Другие праздники, менее важные дела, решаемые миром с воеводской администрацией, отмечались меньшей почестью. Мирские должностные лица многократно в течение года приглашались во двор к воеводе «хлеба ясти» (далее называю: трапеза. – Е.Ш.), а на следующий день они отдаривали его и слуг по соответствующей этой трапезе таксе. Она была меньшей, чем, например, на значительные праздники. Участие мирских властей в совместном застолье с обитателями воеводского двора было настолько упрочившимся, что его можно считать установившимся обычаем. К сожалению, по расходным книгам нельзя установить, с кем именно и где, со слугами и какими из них, в присутствии ли воеводы мирские должностные лица «хлеба ели».

Почеть дворцовому воеводе Я.П. Булычова в Сольвычегодске в 1674/75 г. составляла 3 алт. 2 ден. в большие праздники, и это столько же, сколько воеводской жене, а в другие праздники и при трапезах – 1 алт. 4 ден., как воеводской внучке. Людям «на весь двор» всякий раз вручалось одинаково по 3 алт. 2 ден., а ключник, повар, конюх, верховые жильцы также неизменно получали по 1 алт. 24 В Устюге в 1666-1668 г. при воеводе Г.М. Мышецком дворецкий М. Акинфиев был одарен: к Рождеству 5-тью алт., к Пасхе вместе с дворовыми – 10-ю алт., в дни трапез по случаям тезоименитства членов царской семьи и по другим по 3 алт. 2 ден., в таком же размере, как и сын воеводы. Дворцовому следующего воеводы Я.А. Змеева Никите Лаврентьеву к Рождеству было поднесено 3 алт. 2 ден., также как племяннику. Верховые люди у обоих устюжских воевод одаривались по 1 алт. 4 /2/ден. Дворовым людям вкпе давали от 5 алт. до 3 алт. 2 ден. и иногда 1 алт. 4 ден., а целовальник Шемогодской вол. 1666 г. рождественскую почесть поднес из расчета по алтыну каждому из дворовых людей²⁵. Держальника тотемского воеводы 1692 г. Ф.И. Бакина мирской староста одаривал, как правило, в размере 3 алт. 2 ден. Такую почесть вручали племяннику воеводы 1675/76 г. С.П. Вяземского²⁶. Показательно, что тотемский мирской староста Иван Спасский не называет ни дворецкого, ни держальника воеводы С.П. Вяземского. Племянник же его фигурирует в записях столь же часто, как в других мирских расходных книгах дворецкие. Обстоятельство фиксации почести племяннику и людям «на весь двор» в непосредственной последовательности друг за другом (схожий факт для Устюга был рассмотрен выше) можно истолковать как исполнение им роли дворецкого и подчинения ему дворовых людей.

Особый интерес представляют сведения о праздничных почестях, подносимых управителям вологодского воеводы 1688 г. А.Б. Змеева. На Пасху вручено «держальнику ево Андрею Гневашеву три алтына две деньги. Дворцовому и конюшему ево три алтына две деньги». Последние ранее к Рождеству получили вместе также 3 алт. 2 ден., а дворовые люди к обоим праздникам – по 2 алт. Петропавловская почесть как держальнику, так и дворецкому с конюшим вкпе составляла по 2 алт., что несколько менее, чем в другие праздники, а жильцам 10 ден.²⁷ Эти записи примечательны, прежде всего, тем, что говорят об одновременном существовании в воеводском дворе двух слуг высшей категории – дворецкого и держальника²⁸. Вместе с тем явственно обнаруживается имеющаяся между ними разница, а она устанавливается только путем сопоставления размеров подношений. Ведь держальник один получает почесть в том размере, какая вручается дворецкому и конюшему на двоих.

Думаю, что такое выделение мирским старостой Спасо-Прилуцкого монастыря держальника перед дворецким не случайно. Мирские власти, и не только монастырские, но черносошные в особенности, были прекрасно осведомлены об иерархическом положении людей каждого из воевод. Вступая с ними в повседневные контакты, должностные лица миров, чтобы достичь искомой цели в том или ином случае, были просто обязаны хорошо ориентироваться в ранге слуг и расположении к ним их господина.

Таким образом, выстраивается соподчинение главных слуг во дворах воевод северорусских городов: держальник – дворецкий – дворецкий верховой. Держальник был облечен более высоким доверием воеводы, и как своего господина, и как местного администратора, нежели дворецкий в случаях их совместного присутствия в составе слуг. Проистекающие из этого доверия обязанности реализовывались помимо самой резиденции воеводы. Он мог давать приближенному к собственной персоне «человеку» – держальнику некоторые служебные распоряжения, реализация которых проходила за пределами очерченного двором пространства, в том числе и по отношению к местному населению. Возникает отдаленная реминисценция со службой тиунов в вотчине крупного феодала.

Люди «вверху», а сюда следует отнести и «боярских боярынь», совершенно очевидно – комнатные слуги. Мирские должностные лица отделяют их от людей, которых одаривали вкуче «на весь двор». Последние не гнушались вымогательством, они в декабре 1667 г. у целовальника Шемогодской вол. Устюжского у. «взяли сильно, в подызбице запершись, полтину»²⁹. Отсюда вытекает, что эта группа «людей» имела на воеводском дворе свое жилое помещение, в данном случае, в подызбице. Трудно сказать, располагалась ли она в воеводском доме или в отдельной людской избе. Г. Котошихин писал, что люди живут, причем женатые, «своими покоями на том же боярском дворе или на иных», холостые же «люди болших статей в нижних дальних покоях, а меншой статьи живут в верхних покоях»³⁰. Последний факт дает основание считать группу слуг («верховые люди, «верховые жильцы», «жилцы вверху», «жильцы»), столь по разному обозначаемых в мирских расходных книгах, жившими в верхних покоях воеводского дома и, по всей вероятности, неженатыми. Их холостое состояние подтверждается присутствием среди них малых и /или/ верховых «робят». Интересно выделение во дворе тотемского воеводы 1692 г. Ф.И. Бакина мальчика иной этнической принадлежности, а именно, татарченка. Источники воспроизводят возрастное деление слуг – на подростков и отроков, а служили они, вероятнее всего, на посылах и исполняли мелкие поручения внутри дома. Для этих же целей у устюжского воеводы в 1667/68 г. использовали «верхового жилца старика», скорее всего вдовца. «Боярские боярыни», прислуживавшие воеводским женам, дочерям, племянницам жили в покоях рядом, были незамужними, а иногда и вдовыми. Воеводские верховые люди могут быть отнесены к среднему разряду слуг.

Факты размеров почести, содержащиеся во всех используемых расходных книгах мирских властей показывают, что в разные годы люди воевод получали: в Устюге верховые по 1 алт. 4 ден. – 1 алт. 2 ден., дворовые по 3 алт. 2 ден.; в Сольвычегодске верховые по 1 алт., а дворовые также по 3 алт. 2 ден. и несколько меньше; в Тотьме (в 1675/76 г.) жильцы и люди – от 3 алт. 2 ден. до 5 алт. 4 ден. общей суммой. «Боярыни» жен воевод разных городов одаривались практически одинаково по 3 алт. 2 ден. Так как число верховых и дворовых людей установить по источникам трудно, то и об их соподчинении говорить сложно. Пожалуй, лишь упоминаемое свидетельство целовальника Шемогодской вол. Устюжского у. сообщает о 15 дворовых людях и трех жильцах устюжского воеводы 1666/67 г. Г.М. Мышецкого. Первые получили к Рождеству по 1 алт. на человека, а вторые – гривну на троих или чуть более 3 ден. на человека. Из тотемской мирской расходной книги 1675/76 г. узнаем о двух случаях, когда жильцам вручалось по 4 ден. Принимая во внимание сказанное, можно полагать, что подношение дворовым людям в расчете на человека было большим, чем верховым. Последние в силу исполняемых обязанностей находились в постоянном ежедневном контакте со своими господами. От них они в качестве своеобразного «жалованья» получали «всякое платье и шапки, и рубашки, и сапоги»³¹. Несмотря на меньший размер подношений от мирских властей в сравнении с дворовыми, верховые люди, думаю, располагались на ступень выше, чем дворовые, но ниже, чем ключники, а также повара, конюшие.

Воеводы на месте в дополнение к привозимым слугам нанимали дворников, денщиков, приворотников. Они составляли самый низший, но необходимый, разряд слуг, происходивших из жителей посада. В устюжских книгах за последовательные 1665/66 и 1666/67 гг., но ведшиеся разными мирскими лицами: всеземскими денежными сборщиками города и целовальником Шемогодской вол. указаны «дворники» у воевод Г.М. Мышецкого (Феодосий Сидоров) и следующего за ним Я.А. Змеева³². Сольвычегодские воеводы 1653/54 гг. П.Н. Веснин и В.И. Колычев также не могли обойтись без дворников. У устюжского воеводы Г.М. Мышецкого наряду с дворником служили денщики. По-видимому, их число увеличивалось по мере необходимости. Так, в декабре 1666 г. к Рождеству и в июне 1667 г. ко дню Петра и Павла мирские власти одаривали одного денщика Ивашку (по 1 алт.), в августе на Успенье – двух Митку Ваганского и Сергушку, которым «дано алтын 4 деньги», а в сентябре 1667 г. «денщиком Алешке Паюсову с товарищи четырем человеком дано» было 2 алт.³³ У вологодских воевод 1686-1687 гг. А.Б. Змеева и Я.И. Дивова, по свидетельству вотчинных старост Спасо-Прилуцкого монастыря, служили «денщики», «приворотники», а воевода 1691 г. А.С. Чаплин не удовлетворился одним денщиком, а имел «двух». Необходимы денщики и вологодскому воеводе 1692 г. П.Г. Львову, и судя по употреблению множественного числа – «денщикам» и размеру почести, их было, по всей вероятности, также несколько, во всяком случае, не один. Всех этих наемных служителей, наряду с непосредственными слугами воевод, мирские люди оделяли соответствующей их месту почестью.

Запись в расходной книге сольвычегодского земского старосты Роспуты Пихтусова от 28 июня 1654 г. раскрывает, как нанимались посадские люди в услужение к воеводе. Она весьма красноречива: «дал по отписе дворнику Ивану Никитину Красных, что жил на воеводском дворе после Петра Веснина две недели. Да при новом воеводе Василье Ивановиче Колычеве жил на дворе в дворниках три недели. Итого найма его десять алтын. И отпись взята»³⁴. Она показывает, во-первых, прямое участие мирских властей северных городов в оплате этой службы на воеводском дворе; во-вторых, ее разные сроки (в данном случае несколько недель); в-третьих, наем сопровождался отписью в получении оплаты. Наконец, можно полагать посредничество мирских людей, вероятнее всего, самого старосты или денежного целовальника, в подыскивании кандидата на такую службу. Подтверждение всему этому содержится в расходной книге 1666/67 г. мирских людей Устюга, из которой виден механизм найма низших служителей в Земскую избу. Ее «сторожем и приставам Максиму Башарину да Луке Гремячего да Павлу Воробьеву, Ивану Шишлакову дано годового найма на нынешней на 175-й год по мирскому приговору и по договору по рублю человеку. Итого четыре рубли». На поле сделана следующая приписка: «деньги даны и отпись взята в октября в 7 день», и далее следует пояснение за что именно: «от сторожи всеземской коробки»³⁵. Итак, оба свидетельства аналогичны по содержательной сути. Мирские власти разных городов Сольвычегодска, Устюга действовали по одинаково заведенному порядку при найме низших служителей как в собственно мирскую Земскую избу, так и на воеводский двор. Условия найма уточняются из второго источникового свидетельства. Он заключался с утверждения мирских людей (по их приговору) и по обоюдостороннему договору между ними и нанимающимся человеком, документально оформлялся, ведь исполнение контракта завершалось написанием отписки в получении денег за службу.

Приведенные выше свидетельства о почестях слугам показывают, что в рассмотренных севернорусских городах их размер был примерно одинаковым для определенной группы «людей», что необходимо специально подчеркнуть. В городах Устюге, Тотьме, Вологде, различающихся по своим размерам и численности населения, такса почести для дворецкого и держальника равнялась 3 алт. 2 ден. Такой же она была и для «боярских боярынь». Рассмотренный материал и полученные наблюдения придали реальность пронизательному предположению М.М. Богословского, который писал: «Вероятно, обычаям были выработаны и установлены по разным местам самые размеры приношений... Содержание воеводы в глазах мира – покоящаяся на обычном праве повинность»³⁶. Это высказывание всецело относится к подношениям воеводским слугам. Мирские власти разных городов руководствовались при этом сложившимися нормами, сообразно социальному статусу лица.

Подытоживая все сказанное, необходимо констатировать, что была выявлена градация воеводских людей. Среди них выделялись слуги, занимавшие привилегированное положение – держальники, дворецкие и находившиеся на нижней ступени, которых нанимали на месте, а

верховые люди возвышались над дворовыми. Углубленное проникновение в среду воеводских слуг выявило не только их неоднородность, но и по-новому представило взаимоотношения с ними мирских властей.

Якорь: #prim

1. Швейковская Е.Н. Воеводский двор в северорусском городе XVII в. // Российское самодержавие и бюрократия: Сб. статей в честь Н.Ф. Демидовой. М.;Новосибирск, 2000.
2. РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 164, 170, 177; Сольвычегодск. Оп. 1. № 23-б, Оп. 2. № 36-а, 68; Тотьма. Оп. 2. № 76; АЮБ. СПб., 1884. Т. 3. № 322; ЧОИДР. М., 1908. Кн. 4. Смесь. С. 21-40.
3. РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 125, 44. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 271. Оп. 2. №. 339; Оп. 1. № 354.
4. Классификацию и характеристику приходных и расходных книг см.: Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII в. М., 1997. С. 177-198.
5. Репина Л.П. История женщин сегодня // Человек в кругу семьи. М., 1996. С. 40-42; Она же. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 253.
6. Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII в. (Содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000. С. 8-10, 14, 21, 40-41, 318, 319.
7. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича / Публ. Г.А. Леонтьевой. М., 2000. С. 183-184.
8. РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 164. Л. 2, 3, 10, 105 об., 112, 134, 145, 199.
9. АЮБ. Т. 3. Стб. 200, 204, 205.
10. 10 РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 170. Л. 86 об., 96, 137, 168 об; № 177. Л. 32; АЮБ. Т. 3. Стб. 212, 214, 217, 221.
11. РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 170. Л. 154-155, 160, 166.
12. Там же. Л. 156.
13. Там же. Сольвычегодск. Оп. 1. № 23-б. Л. 60, 62, 63, 68-68 об., 71, 117.
14. Там же. Оп. 2. № 68. Л. 42, 45, 47-48, 54.
15. Там же. Л. 43 об.; № 71. Л. 9; № 36-в. Л. 14, 18, 19.
16. Там же. Оп. 1. № 36-а. Л. 69, 77 об.
17. Там же. Тотьма. Оп. 2. № 76. Л. 56, 87, 90 об., 94 об., 96, 120, 159 об., 164.
18. ЧОИДР. 1908. Кн. 4. Смесь. С. 26-27. См.: Богословский М.М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1912. Т. 2. С. 284.
19. ЧОИДР. 1908. Кн. 4. Смесь. С. 28, 29, 30, 31, 35.
20. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 271. Оп. 2. № 339. Л. 14, 25, 30; РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 125. Л. 14, 27 об.-28, 35.
21. РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 125. Л. 14, 27 об.-28, 35.
22. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 271. Оп. 1. № 354. Л. 12, 16 об.-17, 20 об., 22.
23. РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 164. Л. 105 об., 133 об.-134 об.
24. Там же. Сольвычегодск. Оп. 1. № 36-а. Л. 47, 49, 51, 54, 57, 61, 67, 76, 78, 80, 83 и др.

25. Там же. Устюг. № 164. Л. 70 об., 112,134 и др.; № 170. Л. 96, 137; АЮБ. Т. 3. Л. 205.
26. РГАДА. Оп. 2. Тотьма. № 76. Л. 96, 120, 125, 241.
27. Там же. Ф. 196. Оп. 1. № 125. Л. 14, 27 об.-28, 35.
28. Об одновременном существовании у воевод дворецкого и держальника также см.:
Енин Г.П. Указ соч. С. 197.
29. АЮБ. Т. 3. Стб. 214, 217; РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 164. Л. 10.
30. Котошихин Г.К. Указ. соч. С. 183-184.
31. Там же. С. 183.
32. РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 170. Л. 86 об., 137; № 177. Л. 32; АЮБ. Т. 3. Стб. 212, 214, 217, 221.
33. РГАДА. Ф. 137. Устюг. № 164. Л. 70 об., 188 об., 200.
34. Там же. Оп. 1. Сольвычегодск. № 23-б. Л. 87.
35. Там же. Устюг. № 164. Л. 198 об.
36. Богословский М.М. Указ. соч. С. 285.